

М. А. Живлов

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо.

Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках.

Москва: Тезаурус, 2010. 363 с. ISBN 978-5-98421-100-0

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая представляет собой построенный по тезаурусному принципу этимологический словарь названий метеорологических явлений (Глава I), деревьев (Глава II), млекопитающих, птиц и рыб (Глава III) в уральских языках. Во второй части на основании анализа собранного материала предлагается классификация семантических переходов в рассматриваемых группах лексики (Глава IV) и уточняется локализация уральской прародины и прародин промежуточных праязыков: самодийского, финно-угорского, угорского, обско-угорского, финно-пермского, пермского и финно-волжского (Глава V).

Прежде чем перейти собственно к рецензии, следует оговорить степень участия двух соавторов в написании книги. А. В. Дыбо принадлежит часть Введения, посвящённая реконструкции названий животных в тюркских языках (стр. 25–42)¹, Ю. В. Норманской написан весь остальной текст книги. В связи с этим мы сочли правильным в тексте настоящей рецензии говорить об авторе книги в единственном числе, имея в виду Ю. В. Норманскую.

В уралистике давно назрела потребность в тезаурусном своде уральской лексики, подобном словарям [Buck 1949] и [Mallory & Adams 2006]. Создание такого словаря позволило бы системно применить к уральскому материалу методы семантической реконструкции, разработанные в пионерских исследованиях А. В. Дыбо (например, [Дыбо 1996]). Рецензируемая книга (далее — «Тезаурус») могла бы стать первым шагом на пути к созданию такого словаря. К сожалению, написана она крайне небрежно, а количество ошибок в ней настолько велико, что практически обесценивает проделанную автором работу. Поскольку вполне возможно, что «Тезаурус» будет использоваться как справоч-

ник по уральской этимологии, мы видим нашу цель в том, чтобы предостеречь читателей от некритического отношения к материалам и выводам этой работы.

В первую очередь следует обратиться к тому, как в книге подаётся языковой материал. Большинство приводимых в книге форм отдельных уральских языков цитируется по [UEW]. Кроме этого использован материал ряда синхронных и этимологических словарей уральских языков. Выбор этих словарей вызывает некоторое недоумение. Так, прибалтийско-финские языки представлены только этимологическим словарём финского языка [SSA], саамские — словарями норвежско-саамского [Sam-mallahti & Nickel 2006] и инари-саамского [IW] языков.

Тундровые ненецкие формы обычно даются в латинской транслитерации, правила которой нигде в книге не оговорены. Эта транслитерация крайне непоследовательна: так, буква *в* может транслитерироваться как *w* или *v*, *ы* — как *i* или *y*, *я* — как *ä* или *ja*, *ё* — как *ë* или *jo*; и *e*, и *э* транслитерируются как *e*. Приведём несколько примеров (ненецкие формы в кириллической орфографии приводятся по [Терещенко 1965]): *вырна* → *wirna* (стр. 75), *хунды* → *χundy* (стр. 139), *тәрбяв* → *tärbjav* (стр. 176), *сензя* → *senzä* (стр. 161), *сэр''* → *ser''* (стр. 74), *вэ'* → *we'* (стр. 132), *сарё* → *sarjo* (стр. 82), *посабтё(сь)* → *posabtësj* (стр. 77).

Небрежность проявляется и в большом количестве опечаток и ошибок при цитировании языковых форм. Приводимый ниже список никоим образом не претендует на полноту².

² Здесь и далее во избежание путаницы мы пользуемся принятыми в «Тезаурусе» сокращениями названий языков и диалектов. Все цитаты далее приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

¹ А. В. Дыбо, устное сообщение.

стр.	напечатано	правильно
54	саам. N <i>čák'čâ</i>	<i>čák'čâ</i>
56	саам. N <i>jáldo</i>	<i>jáldu</i>
56	саам. N <i>jálddø</i>	<i>jálddøš</i>
57	саам. N <i>čáhcešáddu</i>	<i>čáhcešaddu</i>
57	саам. N <i>gâlbme</i>	<i>gâl'bme</i>
57	саам. L <i>kal'ma</i>	<i>kal'ma</i>
58	эст. <i>jähe</i>	<i>jahe</i>
71	саам. I <i>lap̄se</i>	<i>lap̄se</i>
72	хант. DT <i>söläk</i> , Kr <i>süläk</i>	DT <i>söläk</i> , Kr <i>süläk</i>
80	ненец. O <i>p̄w</i>	<i>p̄w</i>
81	манс. TJ <i>mālīt</i>	<i>mālī-t</i>
86	хант. Trj. <i>oγ eγ</i>	<i>õγ, əγ</i>
86	манс. So <i>aγpa</i>	<i>āγpa</i>
90	саам. L <i>piehtsē</i>	<i>piehtsē</i>
92	хант. Kaz <i>tükrás</i>	<i>tükras</i>
117	осет. <i>waer</i>	<i>wær</i>
119	коми уд. <i>murhav-</i>	<i>murjav-</i>
129	саам. N <i>haer'gi</i>	<i>hær'ge</i>
131	саам. N <i>sarje</i>	<i>sar'je</i>
131	саам. N <i>vouwdai</i>	<i>vuow'dai</i>
158	саам. N <i>beštur</i>	<i>beš'tur</i>
168	хант. V, VT <i>läγ-lont</i>	VT <i>läγ-lont</i> , V VK <i>läγ-lont</i>
170	саам. N <i>goaškem ~ goašken</i>	<i>goas'kem ~ goas'ken</i>
174	саам. I <i>kaaljavo</i>	<i>kaaijuvo</i>
190	осет. <i>kaesag</i>	<i>kæsag</i>

Ошибки при цитировании влияют и на предлагаемые в «Тезаурусе» этимологии. Так, приведённое выше саам. I *kaaijuv* 'чайка' [IW I: 247], ошибочно процитированное в «Тезаурусе» как *kaaljavo*, сравнивается далее с коми *kala* 'чайка', мар. M *kolšyre* 'чайка'³, ненец. T *čälēw* 'чайка' и другими формами с инлаутным латеральным (стр. 174). То же самое саамское слово, но в несколько другой транскрипции и на этот раз с правильной этимологией (саам. I *kaaijuv* из прасаамского **kājēkē*, связанного отношениями родства или заимствования с фин. *kajava* 'чайка') приведено несколькими страницами ниже (стр. 178).

³ На самом деле это марийское слово представляет собой композит из *kol* 'рыба' и *šyre* 'чайка' [Moisio & Saarinen 2008: 257, 767].

Ряд ошибок был допущен и при переводе на русский значений слов, цитируемых по немецко- и англоязычным источникам. Так, морд. E: *Večk pēšt'or* переводится как 'кошель из липовой коры' (стр. 10) вместо правильного 'кошель / Korb' [MW: 1628], что служит для автора основанием сравнивать это слово с мар. M *piste* 'липа' (причиной ошибки послужило, по-видимому, приведённое у Паасонена словосочетание *lengeñ pēšt'or* 'Ranzen aus Lindenrinde', где *lenge* значит 'Lindenrinde', а *pēšt'or* — 'Ranzen'). Мнение Паасонена о том, что слово заимствовано из диалектного русского *пестер*, *пещер*, *пещур*, в «Тезаурусе» не упомянуто. На стр. 68 морд. E, M *kšiat*, *kšit* переведено как 'прожилка, узор в древесине' вместо правильного 'корь' ('Maseren') [UEW: 138]. На стр. 73 саам. I *koalššu* глосси-

руется как ‘ветер со снегом при холодной погоде’ — в немецком оригинале ‘schneidender Wind bei Kälte’ [IW I: 342], т.е. ‘резкий, пронизывающий ветер’. Саам. N *bor^lgâ-* переводится как ‘ехать во время снегопада, порывов ветра’ (стр. 77) — в оригинале ‘be driving snow’ [UEW: 406], т.е. ‘быть пурге’. Далее глагол (!) *bor^lge-* переводится как ‘дым; разбрызгивать воду вокруг’ (‘smoke; be doing somethg. in the water which makes it splash all round one’ [UEW: 406]).

На стр. 80 мы видим «манс. N *atër*, LM, LU, P, K *ätër*, K *ätir* ‘жаркая, ясная погода, небо’» — в оригинале «*atër* [atër] N, LM LU P K *ätër*, T *ätir* tiszta, derült (idó, égbolt) | heiter, klar (Wetter, Himmel)» [Munkácsi & Kálmán 1986: 56], т.е. ‘ясный, чистый (о погоде, небе)’. Ошибочный перевод сказывается на этимологизации мансийского слова, которое в «Тезаурусе» предлагается сравнивать с хант. Kaz, PB, Par ал ‘жара’. Между тем, у рассматриваемого мансийского слова есть бесспорное хантыйское соответствие — хант. V Vj. DN KoP Ni. Š O *etər*, Trj. J *ätər*, Kaz *etər* ‘ясный, ясно (о погоде), klar, hell, heiter (Wetter, Tag, Himmel)’ [DEWOS: 218]. Прилагательное манс. N *vosij* переведено как ‘быть грязным’ (стр. 85) — в оригинале ‘pizskos, szurtos, kormos | schmutzig, rußig’ [Munkácsi & Kálmán 1986: 739].

Финское *ora* на с. 124 переведено как ‘огневое бурение’. Наверное, автор не обязан знать, что слово *Brennbohrer*, которым немецкие ураллисты XIX в. переводили название инструмента, использовавшегося в раскаленном виде для просверливания отверстий, имеет русский эквивалент ‘жигало’. Тем не менее, странно, что название предмета превратилось в название процесса, и тем более удивительно, что у финнов издавна имелся особый термин для бурения скважин с помощью струи раскаленного газа (а именно такое значение и имеет словосочетание ‘огневое бурение’).

На стр. 125 ненец. O *siraj* переводится как ‘годовалая корова’ — в оригинале ‘ein Jahr alte Rentierkuh’, т.е. ‘годовалая важенка’.

На стр. 131 «саам. N *vuow^ldai*, I *vuáwdáá* ‘росомаха; сибарит’» сопоставляется с фин. *oh^lto* ‘медведь’ и морд. E *ov^lto*, M *ofta* ‘id.’. В словаре [IW III: 432], на который ссылается автор рецензируемой книги, инари-саамское *vuáwdáá* глоссируется как ‘Schwelger, Vielfrass’, т.е. ‘сибарит, кутила’, ‘обжора’. Действительно, в немецком языке *Vielfrass*, буквально ‘обжора’, используется как название росомахи; однако автор «Тезауруса» не приводит никаких данных, которые говорили бы о том, что инари-саамское *vuáwdáá* действительно является обозначением росомахи. Это тем более верно по отноше-

нию к северносаамскому *vuow^ldai*, которое в словаре [Sammallahti & Nickel 2006: 762] переводится как ‘gefräßig, verfressen, gierig’, т.е. ‘прожорливый, жадный’. Эти слова являются производными от саам. I *vuobda* ‘Bauchhöhle’, N *vuow^ldá* ‘id.’.

Встречаются и просто странно звучащие порусски переводы значений. Так, на стр. 56 саам. N *jálâkâs* ~ *jælâkâs* ‘complete cloudlessness’ [UEW: 96] переводится как ‘абсолютное ясное небо’.

Ошибки затрагивают и указания на языковую принадлежность цитируемых форм. Так, на стр. 68 приводится «удм. *čärnä* ‘струп, парша’» — в оригинале стоит помета «wot.» [UEW: 138], т.е. это водское (wotisch), а не удмуртское (wotjakisch) слово. На стр. 85 эстонские слова *une-* ‘забывать’, *unu-* ‘становиться забытым’, *unusta-*, *unuta-* ‘забывать’ названы саамскими.

Зачастую утверждения автора о том, что есть или чего нет в процитированных книгах, могут ввести читателя в заблуждение. Так, на стр. 61 утверждается, что в словаре [Munkácsi & Kálmán 1986] «не представлено обозначения прохлады», в то время как там такое обозначение есть: N K *sëkw*, LM *šëkw* ‘hűvös / kühl’ [Munkácsi & Kálmán 1986: 540].

На стр. 93, где обсуждается маторское слово *narge* ‘ель’, сказано, что «в [Helimski 1997: 319] предполагается, что маторское слово заимствовано из монгольского языка», в то время как в [Helimski 1997] нет ни слова о монгольской этимологии маторского *narge*.

На одной и той же странице автор сначала утверждает, что «[в] [UEW: 863] угорское слово **luwV* (**luwV*) ‘лошадь’ считается заимствованием из пратюркского», а затем опровергает сам себя: «...формальное сходство угорского слова с пратюркским настолько незначительно, что вряд ли здесь может идти речь о заимствовании. Авторы [UEW: 863] также считают, что эта гипотеза неправдоподобна...» (стр. 121). Из этих слов невозможно понять, какая же точка зрения действительно отражена в [UEW] (на самом деле — вторая: угорское слово не является заимствованием из тюркского, см. [UEW: 863]).

На стр. 138 сказано: «Как отмечается в работе [Sammallahti 1988], ПУ **č* не являлось частотной фонемой. Поэтому ее рефлекс в самодийских языках не вполне ясны. С этим нельзя не согласиться». Однако в [Sammallahti 1988] ничего не говорится ни о частотности ПУ **č*, ни о неясности рефлексов этой фонемы в самодийском.

На стр. 168 со ссылкой на [SSA] приводится сравнение фин. *lakla* ‘дикий гусь, вид утки’, эст. *lagle* ‘казарка’ и хант. VT *läy-lont* ‘казарка’ с реконструк-

цией ФУ **lakla* ‘казарка’. Далее говорится: «В [SSA II: 41] саам. L *lāful* ‘хрустан или глупая ржанка, глупая сивка, *Charadrius morinellus*’ тоже считается рефлексом ФУ **lakla*. Нам кажется целесообразным отказаться от этого сравнения, не вполне надёжно-го как фонетически, так и семантически». Но авторы [SSA] вовсе не предлагают считать все приведённые выше слова родственными! Нет у них и реконструкции **lakla*. Финское и родственное ему эстонское слова отнесены в [SSA] к звукоподражаниям, имитирующим птичий крик. Подобными (т.е. звукоподражательными!) словами являются, по мнению авторов [SSA], также саам. *lāful*, хант. *läy-lont* и древнеисландск. *gagl* ‘гусёнок’⁴.

На стр. 177 в связи с тундровым ненецким словом *силер*” ‘подростший птенец серой чайки; белый с чёрными крапинками (о масти оленя)’ утверждается, что «[п]о словарю [Salminen 1998], *-er*” в ненецком слове является суффиксом». На самом же деле Салминен не выделяет в этом слове никаких суффиксов [Salminen 1998: 348] и приводит в указателе корней отдельный корень SYILYER [Salminen 1998: 425].

В ряде мест рецензируемой книги встречаются незакавыченные цитаты, иногда довольно объёмные. Ср., например, пассаж из сноски 53 на стр. 125–126 и его оригинал.

Вот текст из «Тезауруса»:

Мы вслед за Е. А. Хелимским [Helinski 2007c] считаем, что ненец. формы, хотя и представлены во многих диалектах, не сводимы воедино и свидетельствуют не в пользу исконности слова. С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что саам. L *njāb'lō* — собственно саамское образование дескриптивного характера; свидетельство тому — разветвленная сеть фонетически и семантически близких образований. Ср.: L *njāb'tsō* ‘теленка оленя первого года жизни’, *njāb'tsōt* ‘спивается под ношей; не может правильно стоять на ногах (о новорожденном теленке); телится (о самке оленя)’, *njāptsas* ‘слабый (о конечностях новорожденного [sic! — М. Ж.] олененка)’, *Mala njau'las* ‘слабый (о живых существах)’, *njau'htso'da* ‘в середине согнутый вниз’ [Schlachter: 101]. Можно уверенно

⁴ Этимология слова ‘казарка’ сопровождается в «Тезаурусе» тремя картами, показывающими распространение трёх видов казарок. Ни один из трёх ареалов, показанных на картах, не пересекается ни с территорией Эстонии, ни с областью распространения восточнохантыйского языка, а обсуждаемые в книге слова со значением ‘казарка’ встречаются только в эстонском и восточнохантыйском. Непонятно, как это соотносится со сделанным на стр. 116 заявлением, что «[д]ля млекопитающих, птиц и рыб карты распространения ... приводятся только в тех случаях, когда они релевантны для анализа семантических переходов или локализации прародины».

признать некую восточно-саамскую форму, близкую L *njāb'lō*, источником русск. диал. *неблб́и* (как полагал в свое время уже А. Шегрен, см. [Toivonen 1927: 184]). В пользу этого свидетельствует присутствие этого диалектного слова в беломорских говорах; добавление *-й* является типичным способом русской адаптации финно-угорских заимствований с ауслатными *-o*, *-u* в языке-источнике. Весьма вероятно, что именно на русской почве саамское обозначение новорожденного олененка приобрело важное терминологическое значение, став названием шкурки особой ценности (пыжика), что и способствовало дальнейшему проникновению слова в ненецкий язык (где оно имеет отчетливую функциональную семантику и связь со сферой товарообмена — ср. чисто биологическую семантику у исконного ненца. Т *сую* ‘теленка оленя’, *суюнгоба* = *сую? хоба* ‘шкура теленка оленя’) и другие языки региона.

А вот источник цитаты из [Хелимский 2000: 214–215]:

Нен. формы, хотя и представленные во многих нен. диалектах, не сводимы воедино и свидетельствуют не в пользу исконности слова.

С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что саам. L *njāb'lō* — собственно саам. образование дескриптивного характера; свидетельство тому — разветвленная сеть фонетически и семантически близких образований. Ср. L *njāb'tsō* ‘Renntierkalb während der ersten Lebens-tage’, *njāb'tsōt* ‘sich unter einer Last beugen, biegen, ein-sinken; schwanken, einknicken, nicht ordentlich auf den Beinen stehen können (von einem neugeborenen Renntierkalb); kalben (von einer Renntierkuh)’, *njāptsas* ‘schwach, nachgebend, einknickend (von den Gliedern eines neugeborenen Renntierkalbes)’ [Grundström 1946–1954 IV: 639–640]; *Malā njau'las* ‘schwach (lebende Wesen)’, *njauhtsōda* ‘in der Mitte nach unten gebogen’ [Schlachter 1958: 101]; Т *небл(а)* ‘Fisch-brut, junger Fisch’, S *ñāb'l-ṗoāḍz* ‘stilles Renntier’ [Т. I. Itkonen 1958: 292, 296]; ср. далее также саам. **ñevlē* ‘слизь’ [YSS: No. 760], I *njivlāā* ‘schleimig (Netz, neugeborenes Kalbchen)’ [E. Itkonen 1986–1991: No. 2762], L *snjib'lē* ‘weich und lose; weich, biegsam’, *snjib'lō* ‘schleimig; weich, biegsam’ [Grundström 1946–1954 IV: 615].

Можно уверенно признать некую вост.-саам. форму, близкую L *njāb'lō*, источником русск. диал. *неблб́и* (как полагал в свое время уже А. Шегрен, см. [Toivonen 1927: 184]). В пользу этого свидетельствует присутствие этого диал. слова в беломорских говорах; добавление *-й* является типичным способом рус. адаптации ф.-у заимствований с ауслатными *-o*, *-u* в языке-источнике [Хелимский 1986а: 256]. Весьма вероятно, что именно на рус. почве саам. обозначение новорожденного олененка приобрело важное терминологическое значение, став названием шкурки особой ценности (пыжика), что и способствовало дальнейшему проникновению слова в нен. язык (где оно имеет отчетливую функциональную семантику и связь со сферой товарообмена — ср. чисто биологическую семантику у исконного ненца. Т *сую* ‘теленка оленя’, *суюнгоба* = *сую? хоба* ‘шкура теленка оленя’) и другие языки региона.

Читатель, не знакомый с работой Хелимского, может подумать, что процитированное рассужде-

ние вместе с оценками «можно с уверенностью утверждать», «можно уверенно признать», «весьма вероятно» принадлежит автору книги, в то время как автор лишь немного уменьшил количество примеров и перевёл немецкие словарные определения на русский язык.

Аналогичная незакавыченная цитата длиной в целый абзац имеется и на стр. 166:

Как справедливо отмечается в [Аникин, Хелимский 2007: 123], рассматриваемые ненецкие и нганасанские слова явно ближе друг к другу, нежели к названиям журавля, возводимым к ностр. **kara* / **kurl* [ОСНЯ 1: 292, № 159]: ненец. Т *хърџо* 'журавль' и др., см. также далее. Если принять предположение В. М. Иллича-Свитыча о редупликационном происхождении нан. *kokoaro* (= *қоқоаро*) < **kor-koaro*, то самодийскую лексему следует признать тунгусо-маньчжурским заимствованием. Непосредственное заимствование в нганасанский из нанайского (другим тунгусо-маньчжурским языкам основа не известна) немислимо, поэтому следует думать, что существует или существовал сходный по облику северно-тунгусо-маньчжурский источник. Нельзя тем не менее исключить чисто ономотопоэтических причин сходства тунгусо-маньчжурских и самодийских слов (ср. об этом [Joki 1952: 206–207] в связи с тайг. *kugó* 'лебедь').

Ср. источник цитаты из [Аникин, Хелимский 2007: 123]:

Рассматриваемые слова явно ближе друг к другу, нежели к названиям журавля, возводимым к ностр. **kara*/**kurl* (ОСНЯ 1: 292, № 159): ненТ (Тер.) *хърџ* и др., см. также далее. Если принять предположение В. М. Иллича-Свитыча о редупликационном происхождении нан. *kokoaro* (= *қоқоаро*) < **kor-koaro*, то сам. лексему следует признать т.-ма. заимствованием. Непосредственное заимствование в нган. из нан. (другим т.-ма. языкам основа не известна) немислимо, поэтому следует думать, что существует или существовал сходный по облику сев.-т.-ма. источник. Нельзя тем не менее исключить чисто ономотопоэтических причин сходства т.-ма. и сам. слов (ср. об этом Joki 1952: 206–207 в связи с тайг. *kugó* 'лебедь').

Слова «см. также далее» в книге Аникина и Хелимского указывают на следующий абзац, в котором обсуждается этимология ненецкого *хърџ*. Очевидно, что в текст рецензируемой книги они были перенесены чисто механически.

Ещё одна незакавыченная цитата представлена на стр. 127, где она занимает два абзаца (источник цитаты — [Аникин, Хелимский 2007: 72–73]). Со всем небольшая, длиной всего в одно предложение, цитата без кавычек завершает сноску 76 на стр. 169. На этот раз, правда, источник — [Хелимский 2000: 209] — не указан.

Стремление автора к точному цитированию монографии Аникина и Хелимского «Самодийско—

тунгусо-маньчжурские лексические связи» не распространяется на её название: в библиографии она переименована в «Самодийско-тунгусские лексические параллели». Этим, однако, странности с библиографией не исчерпываются.

В библиографии перечислено значительное число книг и статей на шведском, а также на финском, венгерском и эстонском. В научных публикациях названия книг на восточных языках, как, например, китайский или вьетнамский, нередко переводятся на русский. Однако автор оказал поистине медвежьё услугу читателям, переведя все эти названия на... немецкий, причем нередко эти переводы не вполне буквальны. Кроме того, перевод в данном случае вводит в заблуждение, заставляя читателя думать, что данная книга двуязычна или содержит параллельный заголовок на немецком, чего в действительности нет. Приведём несколько примеров:

Manninen 1934 — *Manninen I. Kotieläinten hoito. Mehiläishoito (d. Haustier- u. Bieberzucht [sic! — М. Ж.] d. fgr. Völker) // Suomen suku. 1934. 3.*

Nylander 1849 — *Nylander W. Finska foglars Finska name (fi. Namnen in Finnland vorkommender Vogel) // Suomi. 1848 (1849). S. 285–295.*

Pöld 1970 — *Pöld R. Linnu- ja loomanimetused mordva keeles (Vogel- u. Tierbezeichnungen im Md.). Tartu, 1970.*

Ruoppila 1943 — *Ruoppila V. Kotieläinten nimitykset suomen mutteissa [sic! — М. Ж.]. 1. Hevonen, nauta, lammas, vuohi (d. Namnen d. Haustiere in d. fi. Dialekten). Helsinki, 1943.*

В «Тезаурусе» используется новая реконструкция прапермского вокализма, предложенная Ю. В. Норманской [Норманская 2009]⁵. Остановимся на ней подробнее. Основные положения работы [Норманская 2009] можно кратко сформулировать так:

- 1) прапермское ударение было подвижным, по месту оно совпадало с коми-язьвинским ударением;
- 2) развитие гласных от прафинно-угорского к прапермскому зависело от места прапермского ударения;
- 3) в прапермском вокализме развивался по-разному в «палатализующей» позиции (перед «ПУ/ФУ/ФП *ś, *śk, *ć, *ćk, *ń, *ńc, *ńc, *j, *jk, *t (> ПП *θ⁶), *η (> ПП *θ), *ηć, *ĺ/đ, *lj, *lw, *lw, *k (> ПП *θ),

⁵ В библиографии к «Тезаурусу» название сборника, в котором вышла данная работа, и год издания указаны неверно: «Уралистика. СПб., 2010» вместо правильного «Вопросы уралистики 2009. СПб., 2009».

⁶ По меньшей мере странно, что позицией для внутрипермских фонетических развитий служат не просто фонемы

*kś, *p (> ПП *θ), *pś, *śj, *rś, *rj» [Норманская 2009: 262]) и в нейтральной позиции.

Развитие в «палатализирующей» позиции в статье [Норманская 2009] не проанализировано, но утверждается, что «в “палатализирующих” позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются [Лыткин 1964]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых еще предстоит провести» [Норманская 2009: 262]. Соответствия гласных в нейтральной позиции представлены в таблице, воспроизведённой в «Тезаурусе» на стр. 49:

ПП	Коми — удм.
*a	вс. o, кя. u, остальные o — u
*o	вс. o, остальные o — u
*ö	вс. o, кя. u, остальные o — юз. ш, остальные u
*e	e — e, o
*ε	виш., воств. ö, остальные e — общеудмуртский e, отдельные [sic! — М. Ж.]
*i	воств. e, кя. i, остальные e — o
*u	u — u
*ii	виш., воств. ш, кя. ä, остальные i — юз. ä, остальные i

Прежде всего надо отметить, что символы e и o, обозначающие в работах В. И. Лыткина открытые гласные e и o, произвольно и без какого-либо пояснения заменены Ю. В. Норманской на e и o соответственно. Поскольку символ e, обозначающий в финно-угорской транскрипции гласный среднего подъёма и среднего ряда, оставлен в таблице без изменения, возникает путаница: одним и тем же символом в одной и той же таблице обозначаются разные гласные (e должно было стоять в третьей строке⁷, а e — в четвёртой снизу). Жертвой этой путаницы стала сама Ю. В. Норманская: на стр. 118 «Тезауруса» для коми eś (eśk-) ‘бык’ и удм. oś ‘бык’ со ссылкой на [Норманская 2009] восста-

более древнего, чем прапермский, уровня, но фонемы, давшие в прапермском ноль. Создаётся впечатление, что автор просто не считает нужным различать уровни реконструкции.

⁷ Строго говоря, там должно было стоять просто e, т.к. в восточновычегодском диалекте коми языка не различаются открытый e и закрытый ẹ. Более того, коми-язвинскому i в реконструкции Лыткина соответствует как раз закрытый *ẹ.

навливается прапермское *iś-, то есть выбрана та строка таблицы, где коми e фигурирует в результате ошибки.

Вызывает удивление отсутствие в таблице таких бесспорных соответствий между коми и удмуртским, как коми a — удм. a (*a по Лыткину [Лыткин 1964; КЭСК] и Саммаллахти [Sammallahti 1988]), коми e — удм. o (*ö по Лыткину и Саммаллахти), коми e — удм. e (*ö по Лыткину, *ü по Саммаллахти), коми e — удм. i (*ö по Лыткину, *i по Саммаллахти), коми i — удм. i (*i по Лыткину, *i по Саммаллахти). Все эти соответствия безусловно встречаются и в «нейтральной позиции» в терминологии Норманской, например, коми ar ‘осень’ — удм. ar ‘год’, коми padvež ‘скрещенье, пересечение’ — удм. padvož ‘перекрёсток’, коми važ ‘старый’ — удм. viž ‘старый’, коми peđlavni ‘закрыть’ — удм. podjini ‘прищемить, прижать; закрыть’, коми tev ‘зима’ — удм. tol ‘зима’, коми šem ‘чешуя’ — удм. šem ‘скорлупа, чешуя’, коми tev ‘ветер’ — удм. tel ‘ветер’, коми bež ‘хвост’ — удм. biž ‘хвост’, коми ver ‘лес’ — удм. vir ‘бугор, холм’, коми nim ‘имя’ — удм. nim ‘имя’, коми šin ‘глаз, глаза’ — удм. šin ‘глаз, глаза’.

Подчеркнём, что перечисленные выше соответствия между коми и удмуртским в работе [Норманская 2009] не только никак не объяснены, не опровергнуты, но даже не упомянуты. Впечатление от подобного «нового взгляда на историю пермского вокализма» для уралиста можно сравнить с реакцией индоевропеиста при виде работы, где автор полностью игнорирует противопоставление звонких и глухих придыхательных, да еще и обозначает древнеиндийскую аффрикату j и сонант y одинаково — как j. Понятно, что реакцией читателя будет только недоумение и он воспримет это либо как розыгрыш, либо как проявление полной некомпетентности исследователя, либо как работу студента, которому не объяснили, что новая гипотеза должна объяснить или опровергнуть факты, на которых основывались теории предшественников.

Плохое знакомство автора с исторической фонетикой уральских языков проявляется и в анализе конкретных этимологий. Так, энецкое тундровое d'udabo ‘щука’, по мнению автора (стр. 41), фонетически возводимо к ПС *cu/o(R)ta-, однако анлаутное энецкое d'- восходит только к прасамодийскому *j- [Mikola 1988: 227], а прасамодийское *c- даёт в энецком t- [Mikola 1988: 231].

На стр. 68 утверждается, что «как известно, пермское -ž- может восходить только к инлаутно-

му ФП *-š-». Как указывает П. Саммаллахти, «the normal reflex of single intervocalic *č is *t in Finnic and voiced *ž in Permic» [Sammallahti 1988: 523].

Коми *völd* ‘пороша’ (более правильная транскрипция — *veŋd*) возводится к ФУ **wVlte-* (стр. 66), коми *kolip* — к ФП **kolV-* (стр. 73), а коми *bala* ‘ягнёнок’ к ПП **pVIV* (стр. 116), хотя коми *l* не может восходить к **l*.

Энец. *kodi?* ‘иней’ возводится к ПС **katV* (стр. 71), хотя интервокальное ПС **-t-* должно давать энец. -δ- (на самом деле это слово вместе с ненецким *хънь* ‘иней’ восходит к ПС **kântz-* ‘frieren, erfrieren’ [SW: 53]).

Ненец. Т *nur* ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ возводится к ПС **nirə*, хотя такая форма дала бы ненец. *ныр* (стр. 73).

Саам. I *joarådoh* ‘долго длящаяся сухая, ясная и жаркая погода’ возводится к гипотетическому ПУ **jawa-* со следующим пояснением: «Инлаутное **w* выпадает в саамском» (стр. 78) — на самом деле интервокальное **w* в саамском всегда сохраняется.

Относительно сравнения фин. *pisara* ‘капля’ (в «Тезаурусе» это слово ошибочно переведено как ‘капли, капельки’) с морд. Е, М *piže-* ‘идти (о дожде)’ автор говорит: «[к]как отмечают и сами авторы [UEW], инлаутные согласные в прибалтийско-финских и мордовских формах друг другу не соответствуют» (стр. 83). Это вдвойне неверно: во-первых, авторы [UEW] ничего подобного не отмечают [UEW: 732], во-вторых, фин. -s- и морд. -ž- регулярно соответствуют друг другу и восходят к ПУ **-š-*.

На стр. 85 мы находим реконструированное автором книги ПУ **k(u)d(u)rV* ‘гром’. Символ **d* в уралистике иногда используется вместо более традиционного **δ* (см., напр., [Janhunen 1981], [Sammallahti 1988]). Однако, судя по рефлексам (удм. -d-, кам. -d-), здесь под ПУ **d* имеется в виду что-то другое (ПУ **δ* дало бы удм. *θ* или -l-, кам. -r-). Остаётся предположить, что автор открыл какую-то новую прауральскую фонему, неизвестную ни Янхунену, ни Саммаллахти и сам того не заметил.

Нерегулярное соответствие инлаутных согласных при сравнении угорского **luwV* ‘лошадь’ с фин. диал. *luro* ‘кобыла, лошадь’ оправдывается следующим образом: «на материале этимологий [UEW] есть один пример, когда ФВ **p* соответствует ПУг **w*, — это ФУ **šawV* (**šara*) ‘кислый, становиться кислым’» (стр. 122). Не говоря уже о том, что эта этимология крайне сомнительна, нужно отметить, что фин. *haran* (род. п. *harraten*), морд. Е *šarato*, М *šarata*, мар. К *šarə*, вопреки [UEW], могут восходить только к праформе с инлаутным **-pp-*. Таким образом, соответствие ФВ **p* — ПУг **w* оказывается

уникальным и сравнение угорского названия лошади с финским следует отвергнуть.

По поводу выведения фин. *kontio* ‘медведь’, удм. *gondir* ‘медведь’ и коми *gundir* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’ из гипотетического ПУ **konte* автор пишет: «[в] этой этимологии стандартное соответствие фонетических рефлексов во всех языках» (стр. 130). Автору, очевидно, осталось неизвестным, что **-nt-* регулярно упрощается в пермских языках в -d-.

На стр. 151 к гипотетическому ПУ **kora-* ‘самка глухаря, куропатка’ предлагается возводить ПСаам **köppelē* и морд. М:Sel *korəna* ‘глухарка’. На самом деле ПСаам. **-pp-* и морд. -p- могут восходить только к **-pp-*.

На стр. 161 в рамках одной этимологии даны рефлексy трёх (!) не связанных друг с другом и существенно различающихся фонетически праселькупских слов: **soka* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368], **senka* ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ [Alatalo 2004: 373] и **sāñkočä* ‘Stockente’ [Alatalo 2004: 374].

На стр. 171 читаем: «В [Лыткин, Гуляев 1970: 47; DEWOS: 1625] предполагается, что коми слово⁸ заимствовано в обско-угорские языки: хант. V, Vj, Trj, J, DN *wārəs*, КОР -*wārəš*, Ni, Kaz, Sy *worəš*, O *warəs*, Ahl *vorš*, *varəš*, РВ *vārəš* ‘ястреб’, но представляется, что, учитывая широкую представленность этого слова в хантыйских диалектах, нельзя исключить, что в хантыйском языке представлен рефлекс прауральского слова, а не коми заимствования». Дело, конечно же, не в распространённости слова, а в нерегулярных соответствиях между хантыйскими диалектами/языками (V Vj Trj J DN s — КОР Ni Kaz Sy š, V Vj Trj J DN КОР ä — Ni Kaz Sy ə — O a), исключающих возможность того, что слово восходит к прахантыйскому.

Не лучше обстоит дело и со словообразовательным анализом.

Так, мар. М *juálye* ‘прохлада’ возводится автором к гипотетическому ФУ **jalV-* ‘прохлада, прохладный ветер’ (стр. 56). На самом деле это слово означает не только ‘прохлада’, но и ‘прохладный’ и образовано от сохранившегося в горномарийском прилагательного *ju* ‘kühl’ [Moisio & Saارينен 2008: 193] с помощью суффикса неполноты качества -*álye*.

На стр. 57 продуктивность в саамских языках суффикса -t- показана на следующем примере: «саам. N *čáhceváddu* ‘бедствие на море’, *čáhcešáddu* ‘водяное растение’ образованы от *čáhci* ‘вода’». Ни одно из этих слов не содержит суффикса -t-:

⁸ Имеется в виду коми *varjš* ‘ястреб’.

čáhceváddu ‘Seenot’ [Sammallahti & Nickel 2006: 132] образовано путём словосложения из *čáhci* ‘Wasser’ [Sammallahti & Nickel 2006: 132] и *váddu* ‘Verletzung, Beschädigung (am Körper), Schaden (Folge eines Unfalls)’ [Sammallahti & Nickel 2006: 714], а *čáhcešaddu* ‘Wasserpflanze’ [Sammallahti & Nickel 2006: 132] — из того же *čáhci* и *šaddu* ‘Pflanze, Gewächs’ [Sammallahti & Nickel 2006: 687].

На стр. 65 читаем: «В пермских языках *-l-* также является стандартным суффиксом, образующим имена от имен, ср. коми *komál* ‘круто скатанное тесто’, удм. *kumél* ‘кора на лыке, паласина’ < ФУ **kama* ‘кожура’». Это не опечатка, т. к. автор предполагает наличие именно этого суффикса в коми *tola* ‘сугроб’. Возможно, автор полагает, что *l* и *l'* в пермских языках — аллофоны одной фонемы?

На стр. 131 в качестве примера именного суффикса *-w* в мансийском даётся «манс. Р *pěl / pojlaw* ‘деревня’». Источник, по которому цитируются мансийские формы, не указан, но его нетрудно опознать: это книга [Honti 1982: 175]. Из неё мы можем узнать, что формы манс. КУ КМ *päjlaw*, Р *pojlaw*, VS *pajlaw* содержат не словообразовательный суффикс, а посессивный аффикс 1 pl. *-w*.

На стр. 145 удм. *puás* ‘белка-летяга’ сравнивается с прасамодийским **pensäj* ‘id.’. На самом деле *puás* — субстантивированное причастие от *puani* ‘летать (прыгать, скакать) с дерева на дерево (напр. о белке)’ [УРС: 552], отыменного глагола, производного от *pu* ‘дерево’.

Наконец, в ряде случаев автор не опознаёт давно выявленные в уралистике заимствования и предлагает для этих слов исконные этимологии. Так, на стр. 129 саам. I *ergi*, N *hær¹ge* ‘кастрированный олень’ (ошибочно переведено в «Тезаурусе» как ‘олень-бык’) сравнивается с коми *jera* ‘лось’. Однако саамское слово представляет собой заимствование из финского *härkä* ‘бык, вол’ [Lehtiranta 1989: 32–33], которое в свою очередь, скорее всего, является балтизмом [SSA 1: 210].

На стр. 131 «саам. N *sarje*, I *särji* ‘раненый медведь, (иноск.) о злом человеке’» сравнивается с мансийскими названиями медведя. Во-первых, саам. I *särji* действительно значит ‘раненый медведь’, но родственное ему саам. N *sar¹je* значит ‘рана’. Во-вторых, саамские слова являются заимствованиями из праскандинавского **saira*, ср. др.-исл. *sár* ‘рана’ [Korhonen 1981: 47].

Отдельно имеет смысл разобрать предлагаемую автором этимологию названия лосося. Традиционно считается, что для прафинно-угорского не восстанавливается обозначение благородного ло-

сося, сёмги (*Salmo salar*) [Напольских 1997: 135]. Автор «Тезауруса» предлагает такую этимологию (стр. 181–182), и даже называет её достаточно надёжной (стр. 239). Более того, для автора эта этимология оказывается определяющей при локализации финно-угорской прародины (стр. 248). Речь идёт о сравнении финского *kojama* ~ *kojamo* ‘большая мужская особь лосося’, северносаамского *goadjin* ‘id.’ и северномансийского *kōm* ‘lazas, сёмга / Lachs’ [Munkácsi & Kálmán 1986: 218]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении финского и саамского слов (скорее всего, финское слово заимствовано из саамского, см. [Aikio 2009: 253]), обратимся к северномансийскому *kōm*. В словаре [Munkácsi & Kálmán 1986], известном неточностью фонетической записи, за обозначением *ō* может скрываться как северномансийская фонема /*ō̄*/ (впоследствии перешедшая в /*ō*/), так и /*ū̄*/. Северномансийское /*ō̄*/ восходит к прамансийскому **ā*, а северномансийское /*ū̄*/ — к прамансийскому **ū̄*⁹. В обоих случаях прамансийское **k* перед задними гласными должно было перейти в северномансийское *χ*. Следовательно, северномансийское слово, начинающееся на *kū-* или *kō-*, скорее всего, является относительно недавним заимствованием. По всей видимости, рассматриваемое слово можно отождествить с современным северномансийским *kūm* ‘хариус’ [Афанасьева 2008: 20], [Афанасьева, Игушев 2008: 24], заимствованным из коми *kom* ‘хариус’.

К сожалению, перечисление подобных ошибок в рецензируемой книге можно было бы легко продолжить. Важно, однако, что рассмотренные типы примеров далеко не исчерпывают недостатки «Тезауруса». В частности, мы практически не затронули методологию семантической реконструкции и локализации прародины. Думается, уже должно быть ясно, что количество ошибок, искажений (как в языковом материале, так и в изложении чужих теорий), некорректных утверждений и отсылок таково, что любые выводы автора следует воспринимать с осторожностью. Тем не менее, одного момента всё же хотелось бы коснуться. Автор книги расходится с общепринятой методологией сравнительно-исторического языкознания, считая, что восстановить какое-либо конкретное значение слова для праязыка определённого уровня можно

⁹ Л. Хонти [Honti 1982: 46] восстанавливает для прамансийского также фонему **ū̄* (которая давала в северномансийском /*ū̄*/), но эту реконструкцию нельзя принять, т.к. предполагаемая фонема встречается только в одном корне — явно экспрессивном глаголе **lūk-* ‘ругать’ [Honti 1982: 162].

только тогда, когда слово сохранило это значение в нескольких дочерних языках. При этом «может оказаться, что у рассматриваемого слова то или иное значение реконструируется для прауральского уровня, когда оно представлено в каких-то из самодийских и, допустим, финно-пермских языков, для финно-угорского уровня оно не восстанавливается, а затем реконструируется для финно-пермского уровня, если представлено в каких-то из пермских и в финно-волжских языках, и т. д.» (стр. 228). И действительно, автор восстанавливает название сибирской кедровой сосны для прауральского и праобско-угорского, но не для праугорского¹⁰ языка. Поскольку само слово в праугорском, безусловно, существовало (иначе оно не могло бы быть унаследовано праобско-угорским), остаётся только предположить, что в праугорском оно могло сменить значение на какое-то другое, неизвестное нам, а в праобско-угорском слово по чистой случайности вновь приобрело старое значение. Подобные предположения, если в их пользу не говорят какие-то дополнительные данные, должны отсекаются бритвой Оккама. Такая методология ставит под сомнение результаты исследований автора по локализации прародин уральских языковых групп.

В заключение хотелось бы сказать, чего можно было бы ожидать от словаря тезаурусного типа, ориентированного на семантическую реконструкцию. Во-первых, такой словарь должен был бы содержать поэтапный анализ различных групп лексики: сначала — по отдельным языкам с привлечением всех слов, входящих в это семантическое поле в данном языке; затем — по языковым подгруппам с последовательной реконструкцией праязыковой фонетики реконструируемых слов и с последовательной семантической реконструкцией.

Во-вторых, исходным материалом исследования должны были бы быть слова из двуязычных и толковых словарей отдельных языков с возможным анализом текстов на соответствующих языках, а не из этимологических словарей; конечно, можно и нужно пользоваться этимологическими словарями при построении этимологий, но уточнять семантику следует по двуязычным или толковым словарям. Для примера можно сказать, что из прибалтийско-финских языков в работе практически привлекается материал только финского и эстонского (при этом эстонские формы приводятся только по [UEW]); из одиннадцати саамских языков привле-

чен материал только двух — северносаамского и инари-саамского. Особенно странно выглядит отсутствие материалов из кильдинского саамского, для которого имеется словарь на русском языке ([Куруч 1985]). Соответственно не может быть и речи о семантической реконструкции на праприбалтийско-финском или прасаамском уровне, которая должна была бы быть необходимой ступенькой на пути к семантической реконструкции прафинно-угорской лексики. Игнорирование слов, не имеющих параллелей в родственных языках, ведёт к невозможности полного описания какого-либо семантического поля в отдельном языке, а без такого описания невозможно выявить набор встречающихся в данной языковой семье и/или языковом ареале семантических оппозиций.

Всем указанным требованиям отвечает работа А. В. Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии» [Дыбо 1996]. Из сказанного выше читателю должно быть очевидно, что А. В. Дыбо имеет лишь весьма косвенное отношение к созданию рецензируемой книги. Все указанные недочёты в подаче, обработке и анализе языкового материала (увы, типичные для публикаций другого соавтора) не позволяют отнести «Тезаурус» к серьёзным работам в области сравнительно-исторического языкознания.

Литература

- АНИКИН А. Е., ХЕЛИМСКИЙ Е. А.: *Самоди́йско — тунгусо-маньчжурские лексические связи*. М., 2007 [ANIKIN A. E., HELIMSKI E. A.: *Samodiisko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi*. М., 2007.]
- АФАНАСЬЕВА К. В.: *Русско-мансийский тематический словарь*. СПб., 2008 [AFANASYEVA K. V.: *Russko-mansiiskii tematicheskii slovar'*. SPb., 2008.]
- АФАНАСЬЕВА К. В., ИГУШЕВ Е. А.: *Русско-мансийско-коми тематический словарь*. Екатеринбург, 2008 [AFANASYEVA K. V., IGUSHEV E. A.: *Russko-mansiisko-komi tematicheskii slovar'*. Ekaterinburg, 2008.]
- ДЫБО А. В.: *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Семантические термины (плечевой пояс)*. М., 1996 [ДЫБО А. В.: *Semanticheskaya rekonstrukciya v altaiskoi etimologii. Semanticheskie terminy (plechevoi poyas)*. М., 1996.]
- КУРУЧ Р. Д. (ред.): *Саамско-русский словарь*. М., 1985 [KURUCH R. D. (red.): *Saamsko-russkii slovar'*. М., 1985.]
- КЭСК — ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. И.: *Краткий этимологический словарь коми языка*. М., 1970 [LYTKIN V. I., GULYAEV E. I.: *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka*. М., 1970.]
- ЛЫТКИН В. И.: *Исторический вокализм пермских языков*. М., 1964 [LYTKIN V. I.: *Istoricheskii vokalizm permskikh yazykov*. М., 1964.]
- НАПОЛЬСКИХ В. В.: *Введение в историческую уралистику*. Ижевск, 1997 [NAPOL'SKIKH V. V.: *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku*. Izhevsk, 1997.]

¹⁰ Мы не касаемся здесь вопроса о реальности праугорского языка: важно, что рецензируемый автор эту реальность сомнению не подвергает.

- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // *Вопросы уралистики* 2009. СПб., 2009. С. 260–295 [NORMANSKAYA Yu. V.: Novyi vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisaniye razvitiya vokalizma pervogo sloga v komi i udmurtskom yazykakh v zavisimosti ot prapermskogo udareniya i glasno-go vtorogo sloga // *Voprosy uralistiki* 2009. SPb., 2009. S. 260–295.]
- ТЕРЕЩЕНКО Н. М.: *Ненецко-русский словарь*. М., 1965 [TERESCHENKO N. M.: *Neneco-russkii slovar'*. M., 1965.]
- УРС — КИРИЛЛОВА Л. Е. (отв. редактор): *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск, 2008 [KIRILLOVA L. E. (otv. redaktor): *Udmurtsko-russkii slovar'*. Izhevsk, 2008.]
- ХЕЛИМСКИЙ Е. А.: Протосаамский и самодийский: корпус этимологий в свете современных данных самодистики // Хелимский Е. А.: *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М., 2000. С. 202–217 [HELIMSKI E. A.: Protosaamskii i samodiiskii: korpus etimologii v svete sovremennykh dannyykh samodistiki // HELIMSKI E. A.: *Komparativistika, uralistika: Lekcii i statji*. M., 2000. S. 202–217.]
- АИКИО, А.: *The Saami loanwords in Finnish and Karelian*. Academic Dissertation. Oulu, 2009 (<http://cc.oulu.fi/~anaikio/slw.pdf>).
- АЛАТАЛО, J. (comp. & ed.): *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (LSFU XXX). Helsinki, 2004.
- BUCK, C.D.: *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas*. Chicago & London, 1949.
- DEWOS — STEINITZ W.: *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Lfg. 1–15. Berlin, 1966–1993.
- HELIMSKI, E.: *Die Matorische Sprache: Wörterbuch — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte*. (SUA 41). Szeged, 1997.
- HONTI, L.: *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982.
- IW — ITKONEN, E.: *Inarilappisches Wörterbuch*. Bd. I-IV. (LSFU XX). Helsinki, 1986–1991.
- JANHUNEN, J.: Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77 (1981), 219–274.
- KORHONEN, M.: *Johdatus lapin kielen historiaan*. Helsinki, 1981.
- LEHTIRANTA, J.: *Yhteissaamelainen sanasto*. (SUST 200). Helsinki, 1989.
- MALLORY, J.P. & ADAMS, D.Q.: *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford, 2006.
- MIKOLA, T.: Geschichte der samojedischen Sprachen // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988. Pp. 219–263.
- MOISIO, A. & SAARINEN, S.: *Tscheremissisches Wörterbuch*. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. (LSFU XXXII). Helsinki, 2008.
- MUNKÁCSI, B. & KÁLMÁN B.: *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest, 1986.
- MW — PAASONEN, H.: *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd. I-VI. (LSFU XXIII) Helsinki, 1990–1999.
- SALMINEN, T.: *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (LSFU XXVI). Helsinki, 1998.
- SAMMALLAHTI, P.: Historical phonology of the Uralic languages // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988. Pp. 478–554.
- SAMMALLAHTI, P. & NICKEL, K. P.: *Sámi-duiskka sátnegirji. Saamisch-deutsches Wörterbuch*. Karasjok, 2006.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä: *Etymologinen sanakirja*. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- SW — JANHUNEN, J.: *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedischen Etymologien*. (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki, 1977.
- UEW — RÉDEL, K.: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I-III. Budapest, 1986–1991.